



**Олег Георгиевич
Монголин**

со своей матерью
Л. А. Шнайдер. С её
слов записал ниже-
приведённый рассказ.

(с. Каргасок)

Лидия Августовна Шнайдер

Родилась 2 февраля 1930 года в селе Писаревка Горошевского района(Житомирской области, Украина) в семье немецкого крестьянина Шульц Готлиба. Когда мне было всего 2 месяца, мать моя умерла, и ухаживать за мной в семье было некому. Отец отдал меня в семью брата моей матери Шнайдер Августа, у которых не было детей. Так я стала жить с новыми родителями. Родители жили в достатке по тем временам. У отца был свой маслозавод по производству подсолнечного масла. В доме останавливалось много людей, которые приезжали на переработку семян подсолнуха в масло. Когда я подросла, то мне приходилось делать всю работу по дому, то есть следить за порядком в доме. Нужно было протереть пыль и помыть полы. Соседские ребята звали меня играть на улицу, а я не могла уйти, не сделав работу. Отец вечером приходил домой и проверял мою работу. Он очень строго спрашивал за чистоту в доме. Так меня приучали к труду. Во время коллективизации у отца завод отобрали. Но в колхозе никто не мог на нем работать, и вскорости его вернули отцу обратно. Он был уже в неисправности, но отец его починил и продолжал на



нем работать. Мама работала в колхозе и была стахановкой, она ездила даже в Москву на выставку передовиков производства.

В семье родного отца у меня было два брата (старшего звали Освальд, а младшего звали Берtrand). Старший брат иногда приходил ко мне в гости и мы играли с ним. Однажды он меня обманул и взял из дома продукты. За это меня отец наказал и запретил нам с братом встречаться.

А потом началась война. Родители закапывали в землю продукты, масло бочками. Готовились к худшим временам. Когда фашисты зашли в деревню, то они относились к нам хорошо. И когда им пришлось отступать, то они объявили о том, что все немцы будут отправлены на Запад. Кто добровольно не соглашался покидать родные места, их расстреливали. Так нам пришлось перебираться в назначенное место. Мы ехали на подводах и гнали с собой корову. Мне приходилось всё время вести корову. На подводе места всё равно не было. Отец был болен туберкулезом, мать была очень полная женщина. Кроме этого на подводе ехали и другие люди. Так нас пригнали в Восточную Пруссию. Отцу было уже совсем плохо, и его положили в госпиталь в городе Кенигсберге. Меня поместили в лагерь для девочек по обучению сельскохозяйственным профессиям. В лагере было 80 девочек. У меня был номер 80. По воскресеньям нам разрешали навещать родителей. Моя мама жила где-то в соседней деревне. Однажды мы с подружкой ходили к родителям, и вечером нужно было вернуться в лагерь. А в лагерь нас уже не пустили. Обрато к родителям нам тоже не удалось попасть. И так мы остались с подружкой одни. Потом мы встретили двух мальчиков и пришли с ними на железнодорожную станцию. Они предложили ехать с ними к их родственникам. Так мы попали в Германию в деревню Клаффенбах близ города Хемниц. Там они помогли нам устроиться на работу к хозяевам. Меня сначала не брали, потому что я была маленькая и худенькая, и боялись, что я не справлюсь с работой в поле и по хозяйству. По-



том я попала в дом к хорошим хозяевам, они полюбили меня, как родную, и были довольны моей работой. С годами я выросла, становилась девушкой, и мы с подружками и знакомыми парнями ходили на танцы. Жизнь снова протекала как обычно. Скоро закончилась война, но мне некуда было ехать, я жила в хорошем доме, в котором обрела снова себе родных людей. Так я прожила в Германии до 1949 года. В 1949 году меня и таких же, как я, вызвали в комендатуру и сказали, что мы поедем на Родину. Так вот нас собрали и погрузили в железнодорожные составы, приставив к нам охрану. Правда на Родину мы не попали. А привезли нас в Сибирь. В Новосибирске мы подписали документы на высылку в Сибирь на десять лет. В Томске нас заставили подписать документы на высылку на 25 лет. И вот так мы попали в Томскую область Каргасокский район с выселением на пожизненно. Нас привезли в октябре 1949 года в леспромхозовский поселок. Вещей у нас было немного. Тёплых вещей тем более не было. Расселили нас в бревенчатых бараках. Спали мы все вместе на деревянных топчанах. Мужчины и парни работали на валке леса. Мы же работали на обрубке сучьев. Нам выдали спецодежду. Ватные телогрейки. Все это за время работы намокало насквозь, и в поселок мы приходили обледенелые. В бараках были сушилки, и мы сначала шли в сушилки, потому что снять одежду нельзя было. Платили нам поначалу немного. И купить что-то из одежды нельзя было. Кроме немцев, в лесу работали тоже сосланные литовцы и эстонцы. А также работали вольнонаемные русские из соседних деревень. Весной и летом меня посылали работать на сплавачасток, где приходилось опять же, рискуя жизнью, сплавливать лес по реке. Нужно было ходить по бревнам и не провалиться в воду. Многие девушки и парни женились и тогда девушек не посылали на тяжелые работы. А я долго не выходила замуж, и меня посылали везде. Потом я тоже вышла замуж за русского парня, и у меня родился в 1955 году сын. Жили мы у его родителей, но его скоро



призвали в армию. И я продолжала жить с его родителями. Но после армии он не захотел жить со мной. И мне пришлось опять жить в общежитии, да ещё с ребенком. Потом нас освободили из-под комендатуры, и многие немцы из поселка уехали кто-куда. Многие уехали в Казахстан. Некоторые нашли своих родственников в Германии, и им разрешили вернуться в Германию. Я снова вышла замуж и опять за русского. Мы переехали в его деревню Ильино Каргасокского района. Вместе со мной в эту деревню переехала моя подруга, тоже немка. Она вышла замуж тоже за парня из этой деревни. Но скоро моя подруга нашла родителей в Германии и уехала туда. Кстати, мы с ней до сих пор переписываемся и общаемся по телефону. Я осталась совсем одна среди коренного населения далекой сибирской деревни. В деревне был колхоз, и я работала дояркой. У меня появились на свет сначала ещё двое сыновей (двойняшки), а через два года четвертый сын. В колхозе работа была тоже без выходных и с раннего утра до позд-



С первенцем

него вечера. Прожили мы в этой деревне 12 лет и потом переехали в Каргасок. В Каргаске мне пришлось работать сначала рабочей на предприятии, а затем техничкой в магазине. Образования у меня не было и возможности учиться тоже не было. Тем более, что когда нас привезли в Россию, то многие из нас даже не говорили по-русски. Вот поэтому на мою долю выпало всю свою жизнь выполнять тяжелую для женщины физическую работу. Муж тоже имел образование всего четыре класса и проработал всю жизнь механизатором. Война многим поискала жизнь и нам, немцам и русским, жившим далеко от фронта. Но мы с му-



жем вырастили четверых сыновей и дали им достойное образование, возможность выбрать достойную жизнь. Вот так я прожила всю жизнь в далекой Сибири, и только опять же страшная война провезла меня по всей Европе, и больше я в своей жизни ничего не видела и не знаю. Многие годы я пыталась разыскивать своих родных через Красный крест, а потом и через телевизионную программу «Жди меня», но, к сожалению, так никого и не нашла. Сегодня мне 78 лет, и жизнь моя безвозвратно проходит, и мне очень жаль, что я имею всё меньше возможности увидеть своих родных братьев, а может, и племянников. А также гложет меня одна мысль, что Родина – это то место, где живут люди одной с тобой национальности. По принуждению Родины быть не может. Поэтому мне суждено умереть на чужбине.